

Мифологема «умирания-воскресения» у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого

Мифологема (сюжетообразующий мифологический мотив) «умирания-воскресения» является основой архетипического мистериального сюжета, восходящего как к древним языческим обрядам посвящения в истину, так и к более поздним средневековым театральным постановкам, инсценирующим библейские легенды.

В литературе Нового времени этот сюжет по-разному воплощается и интерпретируется, но неизменно указывает на сакральный смысл определенных этапов пути героя. Это происходит и в творчестве столь разных авторов-современников, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, авторов, по мнению М. М. Бахтина, создавших противоположные типы романов (полифонический и монологический) [1]. Однако в сфере нравственно-философских вопросов эти художники во многом сближаются, что доказывает в своей статье Л. М. Розенблюм [3]. Сближает их и актуализация одного архетипического сюжета, причем на схожем материале — прохождении героя через испытание каторгой или знакомстве с миром каторги.

В русской литературе ссылка в Сибирь на каторгу или на поселение осмысливается не только как удаление человека из привычного ему мира, сопровождающееся лишением всех прав и благ, но и как временное умирание. Это мифологическое восприятие каторги зафиксировано в названии книги Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». В эпилоге романа «Преступление и наказание» Раскольников на каторге переживает полное перерождение: в нем умирает прежний человек и рождается новый. По Р. Штейнеру, это главная мифологема мистерии [5]. Каторга грозит и героям других романов «великого пятикнижия»: Рогожину («Идиот»), Ставрогину («Бесы»), Дмитрию Карамазову («Братья Карамазовы»). Ставрогин, никогда в жизни ничего не боявшийся, вдруг понимает, что испытывает страх при мысли о каторге (куда его могут отправить за соращение девочки Матрешки). В нем есть стремление к покаянию, но «темное царство» одерживает верх в его душе и не дает воскреснуть.

Природа конфликта в душе героя Л. Н. Толстого иная: Нехлюдов в романе «Воскресение» совершает выбор между голосом собственной

души и мнением общества. Отправляясь на каторгу за Катюшей Масловой, Нехлюдов переживает нравственное перерождение: в нем воскресает тот честный и чистый человек, каким он был в юности. Воскресение героя в романе Л. Н. Толстого осуществляется как возвращение к своему первообразу и неизбежный уход (сопровождающийся конфликтом) от общества, под влиянием которого голос души сознательно был искажен и заглушен: «Тогда он был честный, самоотверженный юноша, готовый отдать себя на всякое доброе дело, — теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение. Тогда мир Божий представлялся ему тайной, которую он радостно и восторженно старался разгадывать, — теперь все в этой жизни было просто и ясно и определялось теми условиями жизни, в которых он находился. <...> И вся эта страшная перемена совершилась с ним только оттого, что он перестал верить себе, а стал верить другим. Перестал же он верить себе, а стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос надо решать всегда не в пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, решать нечего было, все уже было решено, и решено было всегда против духовного и в пользу животного я. Мало того, веря себе, он всегда подвергался осуждению людей, — веря другим, он получал одобрение людей, окружающих его» [4, с. 49]. Перерождение Нехлюдова начинается с осознания того искажения и загрязнения, которым он подверг свою личность, с осознания своего рабского положения и невозможности далее в нем пребывать: «Различие между ним, каким он был тогда и каким он был теперь, было огромно: оно было такое же, если не больше, чем различие между Катюшей в церкви и той проституткой, пьянствовавшей с купцом, которую они судили нынче утром. Тогда он был бодрый, свободный человек, перед которым раскрывались бесконечные возможности, — теперь он чувствовал себя со всех сторон пойманным в тенетах глупой, пустой, бесцельной, ничтожной жизни, из которой он не видел никакого выхода, да даже большей частью и не хотел выходить» [Там же, с. 104].

Подобным образом происходило перерождение героя и в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Записки Горяничкова — это суд над самим собой, покаяние, пересмотр прежней жизни в свете народно-христианского идеала. Проводя параллель между автором и героем этой книги, К. В. Мочульский писал: «В душе совершается не только суд, но и осуждение прошлого, разрыв с ним, освобождение. Опять говорится о надеждах, о новой жизни. Из письма мы узнаем об отрицательной душевной работе (разрушение прошлого), но не видим положительной

ее стороны. Какие новые потребности родились в душе? И “Воскресение из мертвых” означало ли нечто большее, чем выход из “мертвого дома”?» [2, с. 35]. Ответ на этот вопрос исследователь находит в письме Ф. М. Достоевского Н. Д. Фонвизиной — в словах писателя о вновь обретенной вере в Христа.

Начало новой жизни и у Горянчикова, и у Нехлюдова сопровождается открытием жизни народа: его страданий и его добрых, вечных начал. Г. К. Щенников отмечает: «Движение сюжета в “Мертвом доме” — это раскрытие под корой грубых чувств и грубых отношений настоящего народа — народа, у которого не только “золотое сердце”, — у которого как будто никогда не пропадала потребность в “золотом веке”: потребность в истинно человеческих отношениях, лишенных всего сословного, эгоистического — всего, что связывает людей чинами, иерархией, зависимостью, расчетами, властью и превосходством одного над другим, чем бы эта власть и превосходство не давались» [6, с. 88]. В аду каторги Горянчиков находит спасение от тоски и путь к воскресению именно тогда, когда ему открывается любовь людей друг к другу вне сословных делений — реализация евангельской заповеди любви к ближнему. Эта любовь приходит на смену ненависти, которую сначала испытывали каторжники к герою Достоевского (то же будет и с Раскольниковым). К счастью, смирение и способность понимать и прощать спасают его от окончательного отчуждения и ответной ненависти. В романе Л. Толстого первый отклик Катюши Масловой на порыв Нехлюдова к покаянию и исправлению прежних ошибок — тоже ненависть. Эта героиня проходит свой путь к воскресению, очищению от развращающего не только тело, но и душу влияния публичного дома. Пути Нехлюдова и Катюши Масловой к новой жизни развиваются параллельно и начинаются в одной точке — сразу после суда, в котором они, хотя и в разных ролях, принимают участие.

Если Достоевский показывает нам мучительную борьбу света и тьмы в душе героя, в которой рождаются и страшные соблазны, и стремление к спасению, то для Толстого человек изначально добр и светел, и только влияние общества загрязняет и искажает тот идеальный первообраз, воплощением которого герои были в юности и к которому вернулись в конце романа.

---

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.

2. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris, 1980.

3. Розенблюм Л. М. Толстой и Достоевский (Пути сближения) // Вопр. литературы. 2006. № 6. С. 169–197.

4. Толстой Л. Н. Воскресение. М., 1977.

5. Штейнер Р. Мистерии древности и христианство. М., 1990.

5. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск, 1987.

А. Г. Овчинников

г. Екатеринбург

Художественная метафизика в романах Ф. М. Достоевского в свете концепции времени

Проблематика, связанная с пространством и временем в художественном мире Достоевского, хорошо известна в отечественном литературоведении. Ученые исследовали эпическое время в романах Достоевского, сравнивая его с отражением времени в романах писателей-современников (А. Г. Цейтлин [21]; П. И. Гражис [7]). Исследовалось «темпоральное» время — в плане протекания событий (Д. С. Лихачев [15]; Ж. Катто [13]), «аксидентальное» время — в плане случайных событийных сдвигов в связи с «вдруг» (В. Топоров [20], В. Подорога [18]), метафизическое время — в аспекте «время — вечность» (В. В. Борисова [3]), хроникальное время — в связи с «хроникером» (Д. С. Лихачев [15]; Л. Сараскина [19] и др.). Существуют психологические концепции времени (Н. С. Коноплев [14], М. Галышева [6]). Во многом центральной в понимании времени является концепция хронотопа у Достоевского, данная М. М. Бахтиным («вертикальный хронотоп», понимание времени как его преодоления) [2, с. 39, 362], у которой среди ученых были как сторонники, так и противники. В отношении темпорального времени установившимися концепциями считаются две противоположные по смыслу: сторонники одной трактуют время как стремительное, лихорадочное (Д. С. Лихачев, Ж. Катто), другой — описывают его как предельно уплотненное, растягивающееся (например, Р. Г. Назиров [17]). Наместились пути по объединению «метафизических» и «темпоральных» концепций (притом, что первым, кто связал эти два плана, по сути, был М. М. Бахтин). Так, А. Галкин связывает